

МОДАЛЬНОСТЬ НОСТАЛЬГИИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ

В текущей прессе все чаще появляются тексты, отмеченные модальностью ностальгии по советскому прошлому. Текстовая модальность [Солганик 2010] ностальгии поддерживается языковыми средствами разных уровней. Еще А.М. Пешковский [1956: 154] говорил о роли местоимения в выражении личного и вместе с тем типового, т. е. «субъективно-объективного отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит». Личное местоимение проявляет эти субъективно-модальные свойства в высказывании и тексте [См.: Солганик 2010: 13]. В газетных текстах я представляю читателю позицию субъекта ностальгического переживания. Например: *«Какую страну потеряли!» — чувство, живущее, видимо, где-то в тайнах моего стареющего подсознания, с неожиданной внятностью выразилось в этих незатейливых словах. Оно прорвалось в свет разума и уже не покидало меня <...>* (М. Швыдкой, Российская газета).

Говорящий пытается избавиться от нахлынувшего чувства, которое оказывается сильнее его: *Сам я, признаюсь, стараюсь не поддаваться этой невольной ностальгии, купирую ее приступы яркими воспоминаниями об окаменелых очередях, характеристиках за подписью пресловутого «треугольника» и о «вечнозеленых» помидорах. И тем не менее безотчетные глуповатые вздохи о минувшей молодости мало-помалу оформляются в род вполне трезвых суждений и понятий* (А. Макаров, Известия).

Модальность ностальгии поддерживается эмоционально насыщенными восклицательными и вопросительными высказываниями, нередко включающими междометия и лексику эмоций: *О, эти юные годы, прекрасные дни... Собственно говоря, что было в них прекрасного: юбка на Новый год из ситца, выстояла очередь, достала ситец, а на нем ноты, скрипичные ключи, вообще джаз! Юбка сшита тюльпанчиком. На ногах полуботинки, эх, грубая работа московской обувной фабрики «Большевик». Шпильки не наденешь, мороз. Капроновые чулки. На голове Бабетта* (Л. Петрушевская, Известия). Ср.: *Куда они все подевались? Те люди, которые участвовали в «Музыкальных рингах»? Те люди, что часами смотрели «Пятое колесо», снятое в доме Беллы Ахмадулиной, читающей стихи?..* (И. Петровская, Известия).

Направленность эмоционально-оценочного отношения на прошлое проявляется в текстовом развертывании семантических валентных по-

зиций глагола *вспоминать*: номинируются чувство, сопровождающее оживление в памяти образов прошлого; субъект ностальгического переживания / состояния; всплывающий в памяти объект (объекты) ностальгии.

В газетных публикациях, характеризующихся модальностью ностальгии, формируется сверхтекстовая парадигма обозначений ностальгических эмоций: *ностальгический, ностальгировать, ностальгия, порыв / всплеск / приступ ностальгии, тоска, тосковать, с тоской, грусть, с грустью, печаль, жалко, с сожалением, с болью, страшно, страх, вздохи, гордость, с гордостью, с любовью, с нежностью* и др.

Эмоция ностальгии включается в темпоральную антитетическую рамку раньше — теперь. Прошлое (советское время, советские годы / времена; при социализме, при советской власти, при большевиках / коммунистах; при Сталине, во времена оттепели / Хрущева; при Брежневе / в годы застоя; при Андропове, в горбачевские годы / во времена перестройки и др.) детализируется в большей степени, чем настоящее (постсоветское время, сегодня, во времена Ельцина, путинская Россия и др.). Например: а) *Раньше страна нуждалась в строителях коммунизма, а в ком она нуждается сегодня?* (Б. Клин, Известия); б) *Раньше было тоталитарное государство, и слово правды можно было только из литературы черпать. А сейчас говори что хочешь, живи как хочешь* (В. Токарева, из интервью газете «Известия»); в) *Вы знаете, врать-то не хочется...Конечно, в наши советские времена была чудесная мультипликация...Норштейн, Хитрук, Бардин, Котеночкин... Это было великое искусство! Потом появилась анимация. Я насторожился...* (А. Ширвиндт, из интервью «Российской газете»); г) *Россияне и раньше не слишком доверяли коммунистической проповеди «От каждого — по способностям, каждому — по труду», а сегодня жизнь так сильно перемешала привычные обычаи и нравы, что многие и вовсе потеряли жизненные и нравственные ориентиры — кому и во что верить, каким авторитетам поклоняться* (В. Костилов, АиФ). Темпоральное противопоставление вскрывает отдельные социальные причины ностальгии по советскому прошлому. В каждом конкретном случае фиксируется «ушедшая или уходящая» (О.П. Ермакова) ценность: а) человеческая востребованность; б) подтекст художественного произведения, понятный читающей публике; в) непревзойденные образцы национального искусства мультипликации; г) традиции, коллективные жизненные установки и практики.

Субъект ностальгии выражает личное и вместе с тем обобщенное эмоционально-оценочное отношение к советскому прошлому. При этом автор газетного текста выступает как самостоятельный субъект ностальгического переживания (1); автор текста выделяет типовую группу субъектов

ностальгического переживания и, оценивая социальную основу эмоции, выражает свое сочувствие, личную сопричастность или подтверждает тождественность личной и групповой коллективной идентичности в прошлом (2); автор текста декларирует или мотивирует отсутствие личного ностальгического чувства (3).

В первом случае модальность ностальгии охватывает весь текст. Автор рационально и / или эмоционально оценивает советское прошлое или отдельные ушедшие реалии. Личная точка зрения обобщается. Субъект ностальгии, выступающий как «человек социальный», осмысляет личное эмоциональное переживание, затрагивающее ощущение кризиса коллективной идентичности: *Я думаю, что коммунистические идеалы соответствуют большинству людей...Если спросить людей на улице, хотят ли они, чтобы было бесплатное медицинское обслуживание и образование, все, как и я, скажут, что хотели бы (Ж. Алферов); И я вот не знаю: когда у нации нет общего интереса — это признак того, что мы живем скучно, или того, что мы живем спокойно? Когда нет общих, интересующих всех тем — это хорошо или плохо? Может, это признак стабильности? А может, тоски? Нет ответа...(А. Максимов).*

Во втором случае социальный анализ позволяет автору высказать сопричастность к определенным субъектам ностальгии, установить связь между групповым субъектом чувства и «элементами положения дел», вызывающими коллективную эмоцию [См.: Ким 2009: 52]. Совокупное мы-социальное не препятствует эмоциональному дистанцированию автора, понимающего природу ностальгии, которая, однако, не проникает в его личную сферу. Именно поэтому следует говорить о модальном приращении. Например: *В большинстве российских семей мирно уживается прошлое и настоящее. Люди старшего возраста еще хорошо помнят советский образ жизни. Они были октябрятами, вступали в комсомол, многие прошли через целину и «стройки коммунизма». Все мы помним разученные в школе стихи о красном галстуке <...> По мере того, как коммунистический идеал терял привлекательность, главным становился не партийно-елейный фон (очень напоминающий стилистику «Единой России»), а личная жизнь: любовь, свидания, учеба в бесплатном институте, поездки дикарем на Черное море, дети, дружеские вечеринки. Ну и, конечно, сама Россия, которая независимо от цвета знамен и лозунгов оставалась Родиной, родной землей, местом, где ты родился, вырос и где упокоились твои предки. Поэтому в сердцах бывших пионеров и комсомольцев советская жизнь все еще вызывает ностальгию (В. Костиков). Ср.: Постыдное человеческое свойство: о ценности многих явлений и законов мы догадываемся лишь в тот момент, когда их утрачиваем. Так было в 20-е годы, когда стихийные бунтари начали потихоньку вздыхать*

о нравах и обычаях «мирного времени», так и теперь, когда бывшие кухонные диссиденты, слушатели «вражьих голосов» и обличители советского агитпропа вдруг с неожиданной для себя теплотой, а то и с удивлением припоминают некоторые реалии минувшего бытия. И собственного, и общественного (А. Макаров).

В третьем случае автор текста фиксирует наличие группового субъекта ностальгического переживания / состояния, рационально оценивает социальную эмоцию, которую сам не испытывает. Автор идентифицирует себя с соответствующей социальной общностью и не проявляет причастности к коллективным эмоциям. Следовательно, говорить о субъективной модальности ностальгии нецелесообразно: Один из загадочных феноменов массового сознания, питающий, в частности, и ностальгию по «сталинизму», — упорное нежелание воспринимать историю советского периода во всей ее драматической полноте <...> Укорять ветеранов в изъянах памяти — означало бы не учитывать особенностей человеческого сознания. Ведь для нескольких поколений советских людей, переживших все трагедии советского периода, «победы социализма» остаются нравственным стержнем существования (В. Костиков). Ср.: Согласно результатам опросов, более половины жителей Восточной Германии ностальгируют по ГДР. Многие говорят, что особых различий между прежней «диктатурой» и нынешней «свободой» не видят. Люди тоскуют по сравнительно одинаковым доходам, пенсиям. Психологи подтверждают: не отсутствие «свободы» (кстати, что под этим понимать?), а социальное неравенство делает людей в наибольшей степени несчастными (Д. Воскобойников).

Объект ностальгического переживания — ценностный участок «непосредственной» [Попова, Стернин 2007: 52], т. е. отражающей личный опыт, советской картины мира. Например, «Российская газета» публикует ответы писателя Алексея Варламова на вопросы читателей сайта РГ о современной литературе. Приведу (в сокращении) фрагмент диалога: **Мироньч** | Алексей! Вопрос о летнем чтении. Что посоветуете почитать подростку 11 (скоро 12) лет? <...> **Варламов** | Литература для подростков — это всегда проблема, вот уж где действительно можно начать испытывать «ностальгию по советскому»...Какое тогда было детское чтение!.. Советская детская литература знакома писателю и филологу А. Варламову не понаслышке: в детстве он читал книги советских писателей; в зрелом возрасте — мог оценить их профессионально.

Газетные тексты наших дней позволяют выделить типовые объекты ностальгии по советскому прошлому: СССР, советская родина, советская держава / империя, могучая / сильная страна; авторитет страны в мире

(СССР уважали, боялись); достижения, подвиги, победы в космосе / в науке / в спорте; сильная рука, Сталин; советский образ жизни; социальные блага (бесплатная медицинская помощь, бесплатное образование, гарантированное жилье); социальные институты и практики; детские и молодежные организации; награды, ритуалы, символы; советское кино, советская литература; вещный мир (школьная форма, статуэтки, олимпийский мишка и т.п.); дешевые продукты (булочки по 3 копейки, колбаса по 2.20 и др.). Объект ностальгии может обозначаться словами «совок», «совковый», значения которых в новейших словарях русского языка сопровождаются пометами ирон., неодобр. В контексте происходит объектное переключение иронии — на тех, кто преждевременно, непредусмотрительно отверг ценности советского мира. Например: *Вот тут вспомнились неожиданно добрым словом все осмеянные «совковые» свойства. И прежде всего умение наполнять жизнь вдохновляющим смыслом вне зависимости от уровня потребления и даже вопреки ему. Тут нет призыва к юродству распределения или к тому, что саркастичные философы справедливо называли «конформизмом муравейника». Есть лишь намек на то, что у скучных явлений есть и другое воплощение — например, скромность, коллективизм, солидарность. В панические моменты кризиса именно такой аспект известных понятий придает жизни слегка затеявшийся во времена изобилия, укрепляющий душу смысл* (А. Макаров, Известия).

Как следует из приведенного примера, особую группу объектов ностальгии составляют идейно-нравственные ценности, которые осознаются как утраченные.

В тексте модальность ностальгии может иметь типовой разворот: в памяти автора всплывает определенный объект, получающий преувеличенно положительную эмоциональную оценку; иллюстрируется социальная польза, нравственная значимость утраченного; предлагается переоценить / возродить этот объект в готовом или трансформированном виде. Например: *Я вспоминаю свою молодость...Было делом чести сдать нормативы БГТО (будь готов к труду и обороне) и ГТО (готов к труду и обороне). Значки ГТО с гордостью носили на лацкане пиджака. Я пришел в армию и мог 15 раз подтянуться на турнике, 50 раз отжаться от пола. И мне не была страшна никакая дедовщина...Надо вернуть нормы ГТО* (Л. Лещенко, АиФ).

Эмоционально-нравственное отношение к советскому прошлому нередко сопровождается романтизацией и идеализацией объектов ностальгии. Будучи разновидностью субъективной модальности, текстовая модальность ностальгии по-разному проявляется в газетах различной идеологической направленности.

Литература

Ким И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение. — Красноярск : Сибирск. федеральный ун-т, 2009.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во МП РСФСР, 1956.

Попова З.Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ : Восток — Запад, 2007.

Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. — М.: Флинта : Наука, 2010.